



Культура

Пусто место свято не бывает

Окончание.
Начало на стр. 1

Юноша, официально пригласивший меня на премьеру, поторопился сообщить «самое главное!!!» — премьера играет с благословения патриарха Алексия. Я осмелилась робко заметить, что для театрального события это как раз и не главное. Гораздо существеннее, чья пьеса, кто поставил и какие заняты актеры. Выяснилось: пьеса Иона Друэ (имя, хоть и подзабытое, но вполне уважаемое), постановка Аркадия Левина (персонаж практически неизвестный), среди исполнителей — Роман Мадьянов, Павел Любимцев и Виктор Гвоздицкий в роли апостола. На первый взгляд, плюсов больше, чем минусов.

У барышень, непосредственно занимавшихся аккредитацией, я очень осторожно, чтобы, упаси боже, не ранить религиозные чувства, поинтересовалась — вполне ли светское мероприятие «Апостол Павел» и не возбраняется ли прийти туда в брюках. «Мы не знаем...» — ответили мне с растерянной ноткой в голосе. — Мы сами такие же...»

«Такие же», то есть слабо воцерковленные особы, не раз изгонявшиеся из культовых сооружений за несправедливую форму одежды, были в итоге приятно изумлены. Трудно найти в Москве место более светское, чем Храм Христа Спасителя. Или, во всяком случае, Зал церковных соборов. Ковры мягкие, кресла роскошные, воздуха много. Покой и нега во всех членах. Правда, сцены почти нет. И дамский туалет без крючков для сумочек. Но, сами подумайте, какие дамы, а тем более сумочки на церковном соборе?

Аншлага на «Апостоле...» не было. С полупустых балконов публику сгоняли в полупустой партер, и последний таким образом все-таки оказался заполнен. Премьера совпала (разумеется, не случайно) с праздником Святой Троицы, посему милиционер у входа пытался убедить первых зрителей, что «все давно кончилось». Но тут стали подъезжать тусовочные лица, правда, без «випов»: Лион Измайлов, Андрей Житинкин, отдельные телеведущие, сама госпожа Гурченко в экстравагантной шляпке... Страж понял свою ошибку и глубоко раскаялся.

Зрители подобрались разные. Случайно подслушала дамский диалог за спиной: «Смотри, вот отец Леонид!.. — Нет, это не он. — Да он же, он!.. — А почему в пиджаке? — Ну спектакль, мирское дело... — Если ты батюшка, всегда хо-

ди в рясе!» Суета сует и всяческая суета. Перед началом спектакля сидевший рядом со мной молодой человек перекрестился. Интересный прием, надо бы перенять. А то в наших театрах иногда такое можно увидеть — спаси и сохрани...

«Апостол Павел» — спектакль, конечно, имеющий отношение к религиозной проблематике, но все-таки спек-

Характерный актер Виктор Гвоздицкий мнит себя героем — до апостола включительно

такль. В этом смысле он ничуть не отличается от других антрепризных проектов и играть его можно было бы в любом арендованном театральном зале. Как поступает Центр Гурченко со своим мюзиклом «Бюро счастья», например. Или со «Случайным счастьем милиционера Пешкина», которое мы увидим сегодня-завтра на сцене РАМТа. Тем более есть в Москве залы, которые не просто так называют «намоленными».

Откуда же столь странный выбор площадки?

Мне думается, вот откуда. Нормальную публику на мякине не проведешь. Ее мало волнуют пафосные анонсы на программке, ей подавай конечный продукт. А театральные неопиты, которые горячо обсуждают пиджак отца Леониды, могут и поддаться. Они меньше видели, им не с чем сравнивать, на них, в конце концов, «давит» обстановка. В случае с «Апостолом Павлом» даже журналист упертой антиклерикальной ориентации должен преодолеть некоторую неловкость, дабы во всеуслышание заявить, что пьеса беспомощная, режиссура отсутствует, актеры из рук вон плохи, и в целом благими намерениями оказалась вымощена дорога к заунывной халтуре.

Насколько мне известно, Виктор Гвоздицкий недавно поддал заявление об уходе из чеховского МХАТа по собственному желанию. При том, что в прошлом сезоне он сыграл здесь едва ли не лучшую свою роль — Ардалиона Передонова в «Учителе словесности» по «Мелкому бесу» Федора Солдуба. Даже не самые ярые поклонники Гвоздицкого тогда ахнули: «Какой изумительный характерный актер!..» Но Виктор Васильевич не хочет быть характерным актером. Не хочет играть бесов. Он мнит себя героем — Тузенбахом, Сирано — до апостола включительно. Ему нравится стоять на сцене в ниспадающих одеждах, торже-



ственно рокотать, вздымать к небу ладони и служить ходячей репродукцией поленовского цикла «Из жизни Христа». Не думаю, что это грех. Просто вредное (с точки зрения профессии) заблуждение.

Павел получился такой важный, такой картинный, чтобы не сказать, статуарный, — прямо школьный учитель среди малолетних недоумков. На всякий вопрос у него готов ответ, на всякое слово — десять. Охотно указывает людям на их ошибки, чужую беду разводит руками: ему про зауху и голод, а он — «ничего, на чечевичном отваре пережуете»...

Вещает Павел много и в целом справедливо, но за душу этот текст не трогает. Зевотная скука. Сначала невероятно долго рассказывают про собрание камней, как будто присутствуешь на совещании в строительной фирме. Потом так же долго апостол уговаривает всех собравшихся печь хлеба благодарения, и ты переносишься на хлебобулочный комбинат. Вдобавок, про Павла ходят разные антисанитарные слухи, да и сам он причается, что есть, есть проблемы с усиленным потоотделением. Тут уж высокие мысли покидают тебя бесповоротно, а им на смену приходят край-

не прозаические: как же трудно жилось людям в отсутствие антиперспирантов...

Гвоздицкий — жгучий брюнет, но Павла почему-то все время кличут рыжим. У Гвоздицкого нормальный мужской рост, но его героя дразнят карликом. И если у зрителей возникает определенное недоумение, то апостол бровью не шевельнет. Вообще смутить его практически невозможно. Бывшая жрица любви, ныне трудящаяся Востока, девушка полуплебского поведения и полутяжелой судьбы, откровенно подставляет Павла: мол, признайся, что ты меня хочешь. А он ей: я хочу всех женщин, которых встречаю...

Такие пьесы сочиняют, неудобно слушать. В храме особенно...

Единственный громкий момент, нарушающий меланхолическое течение первого акта, — когда Павел начинает биться в падучей, ужаснувшись внезапной мысли: что будет, если Бог от него отвернется?! Апостол явно не из тех, кто решает проблемы по мере их поступления.

Про второй акт ничего сказать не могу — обратилась в бегство. Тем более что над Москвой пыл поистине божественный сиреневый вечер, и даже в центре после ливня тя-

нуло деревенской свежестью...

Информспонсор «Апостола Павла», самая духовная газета страны — «МК» — сообщила, что в проект набирались только православные актеры. Таковых, разумеется, много, однако утрясти состав с ходу не удалось. В первой заявке, отправленной на имя патриарха, значились следующие православные (а также, очень извиняюсь, выкресты): Юрский, Невинный, Филиппов, Костолевский. Ни один из них до премьеры не дотянул. Почему?

Да, наверное, потому, что «Апостол Павел» — акция. А акции, в отличие от нормальных спектаклей, редко бывают творчески интересными. Не ради творчества они затеваются.

И вообще: ратуйте, православные! С каких пор у нас просеивают артистов по профессиональному признаку?! Не есть ли это показатель, скорее, косности, нежели высокой духовности? И разве только православие почитает апостола Павла? Павла, пережившего унизительную трагедию собственной слабости: ведь это он трижды отрекся от Христа, раньше чем пропел петух...

Можно, по обыкновению, сказать, что у наших журнали-

стов нет ничего святого. Что они тупы, циничны и безнравственны. Если бы все решалось так просто, мы, несчастные отщепенцы, обрадовались бы первыми. Но, увы, существуют и другие, более объективные проблемы.

«Правильно» чувствовать способны многие. Выразить свои чувства так, чтобы они передались другим людям, — единицы. Если бы Христос был занудой, мы бы сегодня не знали христианства. Нужно огромное обаяние, чтобы увлечь за собой даже зрительный зал, а не то что примерно треть человечества на несколько тысячелетий вперед. Вера спасает нас в жизни, в искусстве необходим еще и талант. Например, «Страсти Христовы» Мела Гибсона произвели на меня сильнейшее впечатление и буквально пригвоздили к креслу обычного светского кинотеатра. Натягивать ради них простыню в храме не было смысла.

Служить Господу можно, что называется, на своем рабочем месте. Едва ли не самое богоугодное дело, которое доступно театральным людям, — это выпускать хорошие спектакли. Не претендую на особую избранность. Со временем выяснится, кто и за что избран.